

№ 32.

Воскресенье, 8 февраля 1909 года.

№ 32.

Великій постъ.

Кончились дни масляничнаго разгула, который мы сами устроили себѣ, наперекоръ правиламъ церкви, наперекоръ здравому смыслу, безъ нужды для своей души, во вредъ собственному спасенію.

Церковь назвала послѣднюю предъ великимъ постомъ недѣлю мясопустною, а мы нарекли ее широкою масляницею, церковь запретила служеніе литургіи въ среду и пятницу этой недѣли, богослуженіямъ остальныхъ дней придавала покаянный характеръ, запретила вкушеніе мяса, оставивъ лишь молочную пищу, обязала, такимъ образомъ, христіанъ къ нѣкоторому воздержанію, назначила какъ бы полупостъ, а мы сдѣлали эту недѣлю временемъ безумнаго разгула, языческаго веселья, объяденія и пьянства, шумныхъ плясокъ и разъѣздовъ.

Кончились дни масляничнаго разгула, настаетъ великій постъ, настаетъ великое, святое время. Протяжно, заунывно загудятъ по всей Руси великой церковные колокола. Нѣмымъ, но всякому христіанину понятнымъ языкомъ прокричатъ они: опомнитесь, люди православные! Миръ, вѣдь, — не ледяная гора, и жизнь ваша — не масляница! Съ высочайшей ледяной горы только безумный рискнетъ катиться: съ нея можно залетѣть, куда не хочешь, можно и совсѣмъ разбиться. Миръ — поле для труда, а жизнь ваша — время подвига! Безпечное, неудержное веселье къ добру не приведетъ васъ! Смачивая верхушку дерева, не спасешь отъ засухи его корней; одѣвши голоднаго въ нарядныя одежды, не

вырвешь его изъ рукъ голодной смерти. Тѣмъ болѣе, не только питая и ублажая, но и развращая тѣло свое, не сдѣлаешь добра дунѣ своей, ибо излишняя изнѣженность, развращенность тѣла — ядъ для нея. Опомнитесь же, православные! Оставьте свои человѣческія мысли, прислушайтесь къ мыслямъ Божиимъ: въ нихъ величайшая мудрость, въ нихъ высшій хлѣбъ для вашей души! Зайдите въ храмы Божіи: тамъ вы услышите слова божественныя, которыя прольютъ свѣтъ въ ваши души, напомнятъ вамъ, кто вы и что вы, напомнятъ о вашемъ высшемъ, небесномъ назначеніи, напомнятъ, что вашъ удѣлъ не въ томъ состоитъ, чтобы прозябать на землѣ, одною со скотами жизнью жить — питать и грѣть тѣло свое, — вашъ удѣлъ — со святыми быть, трудомъ и подвигомъ, молитвою и постомъ возвышать душу свою, самимъ къ Богу приближаться и другихъ къ Богу вести! Удалились вы отъ своего назначенія, отошли отъ Бога, загрязнили и засорили свои души! Надо вамъ оправдаться! Когда промерзнете, тянетесь же вы къ теплу; когда ночью заблудитесь, — идете же на огонекъ; моете же вы свои одежды, когда онѣ загрязнятся, выметаєте соръ изъ избы, когда она засорится. Духовно промерзшіе, заблудившіеся, идите же въ храмы Божіи: тамъ свѣтитъ слово Божіе, тамъ грѣетъ Божья благодать, тамъ вы и омоете и очистите души свои.

Это будутъ говорить колокола. А церковь въ это время станетъ возглашать словами Апостола: „нощъ убо преиде, а день приближися“: кончилось несуразное, разгульное время, когда люди и днемъ какъ будто забывали, что они не подъ покровомъ

ночи, стыдливо прячущей срамныя человѣческія дѣла, что свѣтитъ надъ ними праведное солнышко, — когда люди забывали это и даже днемъ творили безобразныя, скотскія дѣла! „Отложимъ убо дѣла

ній. Приведеть она великіе примѣры святыхъ, укажетъ высокіе образцы христіанскихъ добродѣтелей, нераскаяннымъ напомнитъ о неизбежности грядущаго страшнаго суда, а кающихся грѣшниковъ

Да исправится молитва моя.

(Съ картины А. Ржевской).

темныя и облечемъ во оружія свѣта“ (Римл. XIII, 12). Заговорить тогда церковь въ своихъ чудныхъ великопостныхъ богослуженіяхъ языкомъ небеснымъ, языкомъ живыхъ молитвъ и несравненныхъ пѣснопѣ-

утѣшить увѣреніемъ въ безконечной милости и любви къ намъ всепрощающаго Господа. И всѣхъ будетъ звать къ миру, къ любви, къ правдѣ, къ труду, къ раскаянію...

Спѣшите же, христіане, въ храмы Божіи! Побывавъ въ храмѣ, вы побываете какъ бы на небѣ въ обществѣ святыхъ, на бесѣдѣ съ ними и съ Богомъ, а въ таинствѣ Св. Причащенія—съ Христомъ соединитесь!

И выйдете вы оттуда просвѣтленными, обновленными, съ очищенной душой, съ укрѣпленными Божьей благодатію силами для святой работы въ нашемъ грѣшномъ мірѣ...
Протоіерей Г. Шазельскій.

Очерки по Русской Исторіи.

III. Царь Петръ Алексѣевичъ.

Первымъ и важнѣйшимъ долгомъ всѣхъ русскихъ людей, какого бы они званія ни были, являлось, по взгляду Петра Великаго, служеніе Отечеству и забота о его интересахъ. Поэтому права и обязанности сословій при Петрѣ Великомъ подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти произошли, прежде всего, вслѣдствіе необходимости удовлетворять военнымъ нуждамъ Государства и развить его промышленность. Высшее сословіе, служилые люди, раздѣлившіеся въ Московскомъ Государствѣ по степени своего значенія на бояръ, окольныхчихъ, боярскихъ дѣтей, дворянъ, стряпчихъ и др., получило при Петрѣ одно общее названіе дворянства съ общими правами и обязанностями. Первою обязанностію для дворянъ Петръ поставилъ государственную службу, преимущественно военную. Службу эту дворяне должны были нести поголовно въ теченіе всей жизни своей и, притомъ, начинать ее съ дѣтскихъ лѣтъ. Отъ времени до времени Петръ вызывалъ къ себѣ, въ Петербургъ или Москву, дворянъ-подростковъ недорослей, на смотръ и на разборъ: однихъ опредѣлялъ въ школы, другихъ разсылалъ по полкамъ. Въ одномъ 1704 году Петръ осмотрѣлъ до 8.000 дворянскихъ недорослей, собранныхъ со всей Россіи, и всѣмъ имъ далъ назначеніе. Въ 1712 году, въ Петербургѣ, разобравъ явившихся туда дворянскихъ недорослей, Петръ самыхъ старыхъ изъ нихъ велѣлъ записать въ солдаты, а другихъ частію послалъ въ Ревель учиться мореплаванію, частію отправилъ въ Западную Европу для той же цѣли. вмѣстѣ съ недорослями вызывались къ Государю на смотръ и взрослые дворяне, не находившіеся на службѣ и жившіе спокойно въ своихъ помѣстьяхъ, и годные изъ нихъ также опредѣлялись на службу. Всѣ дворяне должны были служить вѣчно, безъ отставки, если только не препятствовала этому болѣзнь или какое-либо уродство. Всѣмъ дворянамъ велись точные списки, за исправнымъ отбываніемъ ими службы былъ строгій надзоръ, и уклонявшіеся отъ нея подвергались жестокому наказанію. Чтобы дворяне-недоросли съ дѣтства получали образованіе, въ 1714 году велѣно было, указомъ Государя, чтобы каждый дворянинъ обучался грамотѣ, цифири (арифметикѣ) и „нѣкоторой части геометріи“, и для этого учреждены были школы при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Понятно, что эти обязанности были тяжелы для дворянъ, и они видѣли въ нихъ, въ особенности въ первое время, свое „не-“ . Но Петръ не останавливался ни предъ

какими мѣрами, чтобы заставить дворянъ служить и учиться. Такъ, ни одинъ дворянинъ не имѣлъ права жениться, если не представлялъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальной школѣ, не могъ пользоваться дворянскими правами и всю жизнь оставался „недорослемъ“, не выходя по службѣ изъ солдатскаго званія. Когда нѣкоторые дворяне попробовали было, вмѣсто дворянскихъ, записаться въ духовныя школы, гдѣ, казалось имъ, было легче и привычнѣе и гдѣ не обучали навигацкой (мореходной) наукѣ, Петръ взялъ ихъ оттуда и заставилъ вбивать сваи на рѣкѣ Мойкѣ въ Петербургѣ; одинъ изъ дворянъ, посланный для изученія наукъ за границу, бѣжалъ оттуда назадъ на родину и постригся въ монахи, но взятъ былъ изъ монастыря и опредѣленъ въ навигацкую школу. Упорныя старанія многихъ дворянъ, привыкшихъ жить по старинѣ, уклониться отъ необычной вѣчной государственной службы, въ тяжелой для нихъ обстановкѣ, заставило Государя всѣхъ „нѣтчиковъ“, то-есть, не явившихся на службу, подвергнуть „шельмованію“: какъ измѣнники, они лишались всѣхъ правъ состоянія, а имѣнія ихъ отбирались въ казну или тому, кто доносилъ на такого „нѣтчика“. Огромное большинство молодыхъ дворянъ должны были начинать свою службу солдатами въ гвардіи, гдѣ проходили свою службу на глазахъ самого Государя и изучали „фундаментъ солдатскаго дѣла“. Почти всѣ гвардейскіе солдаты были изъ дворянъ, живя въ общей полковой казармѣ и выполняя всѣ солдатскія работы, и лишь болѣе способные и знающіе производились въ офицеры. Съ окончаніемъ Великой Сѣверной войны служба дворянъ была нѣсколько облегчена, такъ какъ имъ разрѣшались по-очереди отпуска на домъ, обыкновенно разъ въ два года, мѣсяцевъ на шесть. Увольнялись въ отставку лишь за ранами и увѣчьемъ или удостовѣренной слабостью здоровья, мѣшавшею прохожденію службы. Для раненыхъ и увѣчныхъ, не имѣвшихъ состоянія, учреждены были военные госпитали, а отставнымъ, уходившимъ на родину, выдавалось ежегодно изъ госпитальныхъ денегъ пособіе на пропитаніе.

Часть дворянъ призвана была и на гражданскую службу, но такъ какъ она требовала менѣе лицъ, чѣмъ военная, то велѣно было изъ cadaго дворянскаго семейства брать въ нее не болѣе одной трети недорослей. Для прохожденія гражданской службы нужно было знаніе законовъ, и поэтому для изученія ихъ учреждено было дворянское училище.

Возложивъ на дворянство, какъ на высшее сословіе въ государствѣ, тяжелыя обязанности по отбыванію государственной службы на ратномъ полѣ и на гражданскомъ поприщѣ, Петръ Великій уничтожилъ, однако, существовавшій въ Московской Руси обычай, по которому высшія мѣста давались людямъ болѣе знатымъ и родовитымъ. Онъ внушалъ дворянству, что служба военная и гражданская есть главная его обязанность, „ради которой оно благородно“. Поэтому на службѣ для занятія какого-либо болѣе высокаго мѣста принимались во вниманіе лишь способности и заслуги каждаго, и солдаты изъ не—дворянъ, если признавались достойными производства въ офицеры, получали не только офицерскій чинъ, но и потомственное дворянство. Всѣ чиновныя должности, военныя и гражданскія, раздѣлены были по степени своей важности на 14 классовъ, и занимавшія ихъ лица, какого бы происхожденія они ни были, пользовались почетомъ и извѣстными правами только лишь по заслугамъ своимъ, а не по происхожденію своему. „Людямъ знатной породы,—писалъ Петръ,—никакого ранга (то-есть чина) не дается, пока Отечеству и Государю заслугъ не окажутъ“. Вслѣдствіе этого, при Петрѣ Великомъ получили дворянство и занимали высокое положеніе въ государствѣ люди, вышедшіе изъ другихъ, низшихъ сословій, даже изъ крестьянства, и такихъ людей было не мало. Важнѣйшій изъ сотрудниковъ Петра, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ также низкаго происхожденія, по преданію, сынъ конюха.

Новые служебныя порядки измѣнили до нѣкоторой степени и существовавшій прежде порядокъ вознагражденія дворянъ за службу. Помѣстья стали раздавать теперь въ собственность дворянамъ, чтобы они могли кормиться сами и кормить свое семейство. При этомъ для всѣхъ дворянскихъ имѣній, указомъ 23 марта 1714 года, установлено было единонаслѣдіе: каждый помѣщикъ могъ завѣщать свое помѣстье только одному изъ своихъ сыновей или, если ихъ не было, только одной дочери. Цѣль этого распоряженія заключалась въ томъ, чтобы дворянскія имѣнія не дробились, не мельчали, и чтобы обдѣленные сыновья искали себѣ средствъ къ жизни службою или другими полезными для Государства занятіями: торговлею или ремеслами. Чтобы облегчить такое добываніе средствъ обдѣленнымъ сыновьямъ, обязаннымъ быть на государственной службѣ, дозволено было имъ покидать службу по достиженіи 40-лѣтняго возраста и затѣмъ записываться въ купцы, ремесленники и поступать въ духовное званіе.

Е. Шумигорскій.

На побывку.

День кончился. Хозяинъ, пошавши, отправился въ сосѣдній трактиръ поить чайку да покалякать съ друзьями-пріятелями. Ванька, воспользовавшись этимъ, пригнѣ въ своемъ уголкѣ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ: день-деньской пришлось бѣгать ему то по заказчикамъ съ починкой (заказной товаръ хозяинъ носилъ самъ), то въ трактиръ за кипяткомъ, а въ промежутки между бѣготней онъ разбивалъ кожу для подметокъ, готовилъ дратву, вязалъ въ нее шетину, подбивалъ стоптанныя каблуки, подшивалъ и обравнивалъ всякую мелкую работу, на которую не хотѣлъ тратить времени хозяинъ. Къ концу дня онъ совсѣмъ изморился, но тогда хозяинъ сулился за мѣшкотность поучить его „шпандыремъ“, и это подбадривало его. Правда, хозяинъ еще не приводилъ до сихъ поръ въ исполненіе своего намѣренія, но, кто его знаетъ, вдругъ да приберетъ, а испробовать на своей спинѣ хорошія качества толстаго ременного „шпандыря“ Ванькѣ не очень-то было по сердцу.

Прикурнувъ въ своемъ уголкѣ, Ванька неожиданно для себя вдругъ вспомнилъ своихъ домашнихъ, и ему взгрустнулось.

Ясно представилъ онъ и родную деревню, и рѣчку, и лѣсъ. Мысли, одна за другой, перегоняя другъ друга, зарылись въ его головѣ. Вспомнилъ онъ, какъ его тятка по веснѣ срубилъ себѣ ногу, какъ его долго лѣчили, какъ пришлось нанимать поденщика: свои-то ребятишки малы еще были, съ работой справиться не могли... Вспомнилъ онъ, какъ рѣшали дома, кого отправить въ ученье—его или старшаго братишку; какъ выборъ палъ на него, потому, де, что старшій больше по хозяйству поможетъ; говорили еще что-то о лишнемъ ртѣ, о хлѣбѣ... И еще вспомнилъ онъ, какъ плакала мать и сестренки, провожая его; какъ мать обѣщала пріѣхать навѣстить его, да вотъ и не ѣдетъ что-то.

Отъ этихъ воспоминаній ему сдѣлалось еще то-скливіе. Что-то долго подступало къ горлу, пока, наконецъ, онъ не заплакалъ. Отъ слезъ ему сдѣлалось легче, и онъ заснулъ.

А во снѣ видѣлъ онъ свою мамку, видѣлъ, что онъ ищетъ съ нею въ сосѣдней рошѣ грибы, а грибы все такіе хорошіе, плотные, и ихъ много, много...

На утро Ванька опять усердно стучалъ молоткомъ, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздался хозяйскій голосъ:

— Ванька, ступай-ко сюда!

По голосу Ванька рѣшилъ, что случилось что-то, въ головѣ пронеслось, не промахнулся ли ужъ онъ въ чемъ-нибудь? Но хозяинъ - ничего, подозвалъ къ себѣ и говорить:

— Ступай-ка, тамъ къ тебѣ пришли.

Ванька стоялъ, не понимая, кто бы это могъ быть и зачѣмъ кому-то понадобился онъ, Ванька.

— Да ступай же, говорятъ тебѣ; мать пріѣхала.

— Мать?!

И Ванька со всѣхъ ногъ, не помня себя отъ радости, понесся на дворъ.

Тамъ, дѣйствительно, въ углу двора ждала его мать.

Вдоволь поплакавъ на радостяхъ, Ванька сталъ спрашивать про деревню. Мать едва успѣвала отвѣчать на вопросы. Потомъ она говорила, что отцу лучше, что онъ теперь бродитъ немного, но докторъ сказалъ, что онъ будетъ хромать; что хозяйство, слава Богу, понемногу оправляется; что старшій братъ кое-что помогаетъ... И еще много, много говорила она ему. Наконецъ, мать вспомнила, что она привезла ему го-стинца да кое-какой одеженки. Порывшись въ кузовкѣ, вытащила она калачъ и, пока Ванька уплеталъ его за обѣ щеки, она долго, пригорюнясь, смотрѣла на него. Чужало материнское сердце, что не легко и не сладко ея дѣтищу живется на чужихъ людяхъ, вдали отъ родного дома.

Передъ разставаньемъ она долго уговаривала Ваньку, чтобы онъ старался: хорошенько учился бы ремеслу. Потомъ, де, вернется домой, отцу будетъ помогать.

Когда мать ушла, Ванькѣ долгое время было какъ-то не по себѣ: такъ бы и побѣжалъ, догналъ бы ее

да попросилъ взять съ собою назадъ, въ деревню. Но вспомнивъ, что мать просила его стараться, снова еще усерднѣе принимался за работу. А вечеромъ, засыпая, онъ представлялъ себѣ, какъ онъ, научившись ремеслу, вернется въ деревню; наклеить на окнѣ вырѣ-

На побывку къ сыну.

(Съ картины живописца В. Маковского).

занный изъ бѣлой бумаги сапогъ, точь-въ-точь какъ у хозяина; заведетъ мастерскую и никогда не будетъ пугать „шпандыремъ“ своихъ учениковъ.

П. Либенъ.

У пчеловода.

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

Минувшимъ лѣтомъ, при проѣздѣ по Костромскому тракту, въ одной деревнѣ моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. На усальбѣ одного крестьянина около пчелъ хлопотали два мужичка. Имъ что-то указывалъ третій, видимо, городской житель, одѣтый въ форменную тужурку. Ни разу не встрѣчая по этому тракту разбѣдныхъ пчеловодовъ, я былъ удивленъ появленіемъ въ деревнѣ горожанина и рѣшилъ на обратномъ пути остановиться у этого мужичка и по-разспросить о пріѣзжѣ гостѣ. На всякій случай я записалъ названіе деревни и запомнилъ домъ мужичка, у котораго на пригорочкѣ зеленѣли молодая липы и стояли пчелы. Отъ ямщика я узналъ, что деревня эта Скородумовская, Вологодской губ., Никольскаго уѣзда Черновско-Николаевской вол. Пользуясь свободнымъ временемъ, я на обратномъ пути завернулъ къ этому крестьянину—пчеляку. Пчелякъ, И. Г. Селезневъ, оказался словоохотливымъ и развитымъ мужикомъ. На мой разспросъ о бывшемъ у него гостѣ онъ сообщилъ слѣдующее:

„Вотъ уже второе лѣто, какъ этотъ баринъ-пчеловодъ заѣзжаетъ ко мнѣ почти кажинный мѣсяцъ и все учитъ меня уму-разуму, какъ пчелокъ водить. Презабавно и мое знакомство съ нимъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ обѣденную пору сижу я у окна.

Вдругъ къ моимъ воротамъ подѣзжаетъ какой-то баринъ, выходитъ изъ повозки, идетъ во дворъ. Я вышелъ его встрѣтить, поклонился ему.

— „Здорово!“—говоритъ. Потомъ меня и спрашиваетъ:

„Ты хозяинъ?“

Я ему отвѣчаю: „я“.

— „У тебя пчелы есть?“—

— „Есть“, говорю.

— „Пойдемъ, посмотримъ ихъ“.—

Пошли смотрѣть пчелъ. Я давно уже вожу пчелъ въ колодахъ. Баринъ осмотрѣлъ всѣ мои четыре колоды только снаружи. Когда онъ увидалъ тутъ же рамочный улей, то спросилъ:

— „А этотъ улей со пчелами?“

— „Нѣтъ! говорю, роя хотѣлъ посадить въ него, да роевъ-то не было“.

— „Ну, а ты изъ колоды перегони пчелъ въ рамочный улей!“—сказалъ баринъ.

— „И ралъ бы перегнать, да не умѣю“.

Затѣмъ онъ осмотрѣлъ рамочный улей и указалъ мнѣ, что надо исправить и что передѣлать въ моемъ рамочномъ ульѣ.

— „Исполни все это, и я примѣрно недѣли черезъ четыре заѣду къ тебѣ, и мы вмѣстѣ перегонимъ пчелъ колоды въ рамочный улей“.

Баринъ уѣхалъ. На другой же день я весь улей жалелъ, какъ было приказано. Когда уже приближился каленный срокъ пріѣзда, я при звонѣ ка-20 мая барольчиковъ ждалъ барина. Вскорѣ послѣ изъбы, какъ ужъ пріѣхалъ. Едва переступилъ порогъ отдышки сейчасъ заговорилъ о пчелахъ. Безъ всякой закурили дымарь, и пошли въ огородъ ко пчеламъ. Принесли свои пчелиные чожи, и закипѣла работа. На дру-ощъ я позвалъ и кума Михайла. Черезъ три часа пріѣзжъ въ

на мѣстѣ колоды стоялъ уже рамочный улей со пчелами. Мнѣ это было очень пріятно и любопытно. Пчелы мы перечерпали легко, летная же пчела сама вошла въ новый домикъ, а матки такъ никто изъ насъ и не видалъ. Потомъ оказалось, что матка сама спорхнула въ новый улей.

Я предложилъ барину послѣ трудовъ почайничать. За чаемъ я спросилъ барина, откуда онъ и какъ его зовутъ?

— „Я, говорить, любитель-пчеловодъ, зовутъ Иванъ Константиновичъ, а по прозвищу Ерминъ, живу въ селѣ Троицкомъ Котельническаго уѣзда, Вятской губ., состою на государственной службѣ“.

— „А зачѣмъ болѣе вы ѣздите въ Вологодскую губернію?“—спрашиваю его.

— „По дѣламъ“,—отвѣтилъ онъ.

А потомъ я спросилъ: — „Что же мнѣ дѣлать теперь съ рамочнымъ ульемъ?“—

— „Ничего не надо, говорить, жди моего пріѣзда“.

— „Когда же васъ ждать?“—

— „Черезъ три недѣли“.—

Три недѣли не велики, но онѣ показались мнѣ очень длинными. Послѣ отъѣзда барина я нѣсколько разъ въ день ходилъ къ рамочному улью и все любовался на пчелъ. Онѣ очень ужъ хорошо свыклись съ новымъ жильемъ. Меня это подбодрило. Я немедленно принялся за постройку такого же новаго улья съ рамками. Когда готовъ былъ улей, я выждалъ жаркій день, позвалъ кума Михайла и съ нимъ принялся перегонять пчелъ изъ второй колоды. Сначала все шло плохо и не клеилось, затѣмъ понемногу освоились и благополучно пересадили всѣхъ пчелъ. Пчелы зажили хорошо. Это меня еще болѣе подбодрило. Я живо построилъ третій рамочный улей и опять съ Михайломъ перегналъ пчелъ изъ третьей колоды. Тутъ ужъ работа у насъ спорилась, меньше было пачкотни и меньше заминокъ. Черезъ три недѣли пріѣхалъ баринъ. Пошли смотрѣть пчелъ. Онъ даже удивился, что со пчелами уже стоятъ три рамочныхъ улья. Осмотрѣли подробно всѣ три улья. Пчелы работали хорошо. Не за горами было время медосбора. Надо было къ рамочнымъ ульямъ готовить магазины. Сейчасъ же баринъ приказалъ строгать доски и линейки; запрягли за работу и кума Михайла, и часа черезъ два готовъ былъ весь магазинъ.

Оставалось только его навоштить. Баринъ указалъ, гдѣ можно купить вошины, поучилъ, какъ навошивать, и уѣхалъ. Нечего сказать, старательный баринъ.. все дѣлаетъ своими руками и на мѣстѣ не посидитъ, все-то расскажетъ, все объяснитъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда барина я перегналъ пчелъ и изъ послѣдней колоды. Сдѣлалъ самъ деревянную медогонку. А когда замѣтилъ, что пчелы сильно несутъ медъ, то на два первыхъ улья поставилъ магазины. Этотъ переворотъ въ моемъ хозяйствѣ къ лучшему меня очень радовалъ. Я догадывался, что скоро можно будетъ получить отъ пчелокъ и меду далеко раньше Ильина дня, не какъ прежде отъ моихъ колоды. И я, какъ Христова дня, сталъ дожидать своего барина. Незадолго до Петрова дня пріѣхалъ баринъ. Осмотрѣли ульи, выкачали медъ. Меду получилось два пуда. Такая несложная добыча меда центробѣжнаго для меня была пріятна, а обиліе меда и болѣе того. Я не зналъ, какъ высказать свою благодарность барину?.. Богъ его послалъ ко мнѣ. Во снѣ мнѣ этого даже не снилось.

Слѣдующій пріѣздъ барина былъ послѣ Ильина дня. Къ его пріѣзду отъ четырехъ ульевъ Дадана я получилъ еще шестнадцать пудовъ меду. Баринъ совѣтовалъ тогда же снять магазины, а къ Успеневу дню устроить пчелъ на зимовку.

Прежде я изъ 4 колоды за лѣто получалъ пудовъ шесть меду, а въ этотъ годъ отъ 4 рамочныхъ Дадана

новъ получилъ 18 пудовъ меду. Диво!.. Тѣ же пчелы, тотъ же хозяинъ, а меду за одно лѣто я получилъ на 12 пудовъ болѣе. Это итоги перваго лѣта (1907 года). Во второе лѣто вышли два роя, и моя пасѣка увеличилась. Шесть Дадановскихъ ульевъ дали мнѣ 15 пудовъ меду. Какъ же мнѣ не радоваться всему этому и не благодарить Бога?!.. Я охотно дѣлился своею радостью со знакомыми, а тѣ загорались желаніемъ завести у себя непременно тоже рамочные ульи".

Такъ закончилъ свой рассказъ Селезеньевъ.

Какъ видно сѣмя упало на добрую почву.

Побольше бы такихъ работниковъ на народной нивѣ!..

Н. Казаковъ.

Баба.

(Рассказъ).

(Окончаніе).

VI.

Какъ карась попадаетъ въ родной прудъ и довольно опускается на дно, такъ почувствовалъ себя Иванъ Кирилловъ, когда опять очутился въ трактирѣ.

Все-то ему здѣсь было близко и знакомо.

Душный воздухъ низкаго трактирнаго помѣщенія, пропитанный запахомъ спитого чая, махорки и кухоннаго чада. Попортившійся отъ времени органъ попрежнему завывалъ надоѣдливую „Лучинушку“, „Голубку Машу“, „Возлѣ рѣчки“ и т. д., тѣмъ не менѣе плохая музыка этого инвалида нравилась половому.

Стукъ чайниковъ, звонъ рюмокъ, однообразное выкрикиваніе буфетчика сдѣлались снова необходимою для него.

Грязноватый трактиръ второго разряда казался для Ивана настоящимъ раемъ.

Если и вспоминались когда оставленные въ деревнѣ жена, дѣти и старики, то какъ неприятное ярмо, которое никакъ нельзя было скинуть.

За послѣднее время ни Дарья, ни старики не напоминали половому о своемъ существованіи, но Иванъ все-таки думалъ, что нѣтъ, нѣтъ, да и потребуютъ отъ него въ деревню кучу денегъ.

Зарабатывалъ онъ ихъ не мало, расторопнаго полового посѣтителю любили и охотно давали на чай.

Но деньги не держались, пристрастился Иванъ къ женщинамъ, а за послѣднее время привыкъ пить.

Третій годъ пошелъ, какъ онъ не былъ въ деревнѣ, за это время онъ не больше четвертнаго билета переслалъ семьѣ.

Изъ деревни ему рѣдко писали, и когда онъ неожиданно получилъ отсюда письмо, то очень обезпокоился, не требуютъ ли его обратно въ деревню. Но письмо извѣщало о смерти отца, о деньгахъ не было и помина.

Иванъ отписался, но самъ не поѣхалъ.

VII.

Прошло еще больше года, ему было не до семьи, не до своихъ; винный угаръ, подъ которымъ онъ находился чуть-ли не каждый день, все больше и больше захватывалъ полового.

Долго терпѣлъ его хозяинъ, считавшій его ловкимъ служащимъ, несмотря на пьянство, но въ концѣ концовъ принужденъ былъ отказать.

Иванъ Кирилловъ очутился на улицѣ безъ дѣла. Никто не хотѣлъ брать отказаннаго полового.

Съ большимъ трудомъ удалось ему опредѣлиться въ небольшой трактирчикъ, но и тутъ онъ пробылъ недолго: пьянаго никто не хотѣлъ держать. Все ниже и ниже спускался Иванъ, дошелъ онъ, наконецъ, до того, что нечего было ему на себя надѣть, все было

пропито. Только теперь вспомнилъ онъ про родную деревню, про семью, про мать, о которыхъ онъ совершенно забылъ.

— Ужъ не махнуть-ли мнѣ къ нимъ,—подумалъ онъ.

Но до деревни было не близко, а на чугунку денегъ не хватало.

— Время нонѣ весеннее, отчего не пойти и пѣшимъ,—рѣшилъ Иванъ Кирилловъ и отправился пѣшкомъ въ родную деревню.

Не близка была отъ столицы цѣль его путешествія.

На пятые сутки добрался онъ только до околицы родной деревни.

VIII.

За то время, пока Иванъ не бывалъ въ деревнѣ, въ семьѣ его произошли перемѣны, умерла старуха мать, и хотя жена писала ему объ этомъ, онъ въ пьяномъ угарѣ не обратилъ на это вниманія.

Дарья еще больше ушла въ себя и, отказавшись отъ личнаго счастья, вся отдала себя хозяйству и дѣтямъ.

— Вотъ поди баба, а лучше другого мужика справляется,—говорили деревенскіе старики,—недоимокъ за ней никакихъ не числится, домъ въ порядкѣ, двѣ коровки, лошадка имѣется...

— Что-жъ, Господь сиротамъ посылаетъ,—замѣтилъ степенный старикъ Мокѣй.

— Тоже сказалъ, дѣдушка, какіе же они сироты, мужъ Дарьи вѣдь живъ, не умеръ.

— Живъ-то живъ, да для семьи на манеръ какъ-бы умеръ.

— А что, старички, не пригрозить-ли ему, что паспорта не пошлемъ?—предложилъ третій старикъ,—а то и впрямь жаль, баба здѣсь за работой надрывается, а онъ тамъ, Богъ вѣсть, что дѣлаетъ и денегъ сюда не шлетъ.

— А по-моему и трогать его не стоитъ,—снова сказалъ Мокѣй, Дарья на него не жалуется, не наше дѣло ворошить ихъ.

— А все-жъ постегать бы Ивана не мѣшало,—не унимался первый старикъ.

IX.

Какъ-то вскорѣ послѣ похоронъ свекрови понемногу Дарья зачѣмъ-то сходила въ ближнее имѣніе. Крестьяне въ него свозили молоко: у владѣльца имѣнія была ферма, и онъ выдѣлывалъ масло и сыръ. Подивилась Иванова жена, какъ работаютъ сепараторы, отдѣляющіе сливки отъ снятого молока, и къ машинкѣ, что дѣлаютъ масло, присмотрѣлась.

Пошла домой, а изъ головы всё эти машинки не выходятъ, больно онѣ ей понравились. Поспрошала баба у знающихъ людей, сколько онѣ стоятъ, и твердо рѣшилась обзавестись ими.

Трудно накопить въ крестьянскомъ дѣлѣ такую уйму денегъ, но настойчивой женщиной, собиравшей ихъ чуть не по грошамъ, удалась.

Казалось, никогда такъ не радовалась Дарья, когда черезъ волостное правленіе ей выслали сепараторъ и машинку для сбивки масла.

Все наладила, все устроила смѣтливая женщина, съ сосѣдкой, бездѣтной солдаткой, столковалась, чтобы помогала ей, и маленькая кустарная маслобойня стала работать.

Сперва Дарья обходила только съ удоємъ отъ своихъ коровъ, но скоро молока этого не стало хватать, пришлось прикупать у сосѣдей. Сбытъ выработаннаго масла былъ обезпеченъ, покупатель самъ являлся, торговель изъ ближняго города.

Дѣло понемногу все расширялось.

Къ предпринимательской деятельности...

относиться не только односельчане, а настойчивости Дарья удивлялись сосѣдніе помѣщики.

Х.

Когда бездомный бродяга, пропойца Иванъ полѣ вечеръ вошелъ въ родную деревню, онъ сразу не узналъ родительскаго дома: не мало пристроекъ возвела Дарья для своей маслѣбойки, старая изба точно обросла ими.

Работа на заводикѣ уже кончилась, но черезъ открытыя ворота двора бабы таскали ушаты съ молокомъ.

— Что за причта такая?—подумалъ Иванъ,—къ чему столько Дарья воды ташутъ.

Когда подошелъ онъ, кралучись, къ дому, изумленіе его еще больше увеличилось.

На просторномъ дворѣ толпились бабы, слышался смѣхъ, шутки.

— Ужъ не сочла-ли меня Дарья за мертваго, не замужъ-ли за другога вышла.

Въ Иванѣ невольно поднялось ревнивое чувство, онъ, точно воръ, подошелъ къ окну избы и посмотрѣлъ внутрь ее.

Тамъ было темно. Любопытство заставило забыть его объ осторожности и войти прямо во дворъ.

— Чего тебѣ тутъ нужно?—огрызнулась рослая молодуха на Ивана.—Проходи, коли хлѣба хочешь, подожди у воротъ.

Иванъ былъ такъ ошеломленъ, что не зналъ, что ему отвѣтить.

— И впрямь уходи, еще чего стащишь, ишь глаза у тебя, точно волчьи, бѣгають,—сказала другая баба.

Но Иванъ настойчиво продолжалъ стоять. На шумъ подошла сама хозяйка.

XI.

Сурово посмотрѣла она на оборваннаго мужа и сразу его признала.

— Сюда заявился? Откуда пожаловалъ?—насмѣшливо спросила она его.

У Ивана точно отнялся языкъ, онъ виновато, точно побитая сабака, смотрѣлъ на жену.

— Поди голодень, поѣсть сейчасъ дамъ. Одежина у тебя больно справная,—съ прежней усмѣшкой сказала Дарья, указывая на его лохмотья.

— Дарьянъ мужъ пришелъ, ишь какой богачъ-то! Въ матушкиныхъ сапогахъ!—говорили бабы, указывая на голыя ноги Ивана.

Чужимъ чувствовалъ себя Иванъ въ родной избѣ, Дарья попрежнему его ни въ чемъ не упрекала, но держалась какъ съ чужимъ человѣкомъ. Дѣти дичились его, да и самъ онъ сознавалъ, что здѣсь лишній. Съ недѣлю прожилъ Иванъ дома, онъ совѣстился выйдти даже на деревенскую улицу, во взглядѣ каждаго мужика онъ читалъ укоръ и насмѣшку.

— Вижу я, Дарья Евстигнѣвна, что не къ мѣсту вдѣсь пришелся, уйти я отъ васъ надумалъ.

— Куда же пойдешь?—сумрачно спросила Дарья.

— Да и самъ не знаю, куда глаза глядятъ.

— Не ладное ты, Иванъ, залумалъ, опять пьянствовать станешь, а тамъ въ полѣ околѣешь. Никогда я тебя не учила, укору ты отъ меня не слышалъ, а теперь только посовѣтую. Воленъ ты меня послушать, воленъ нѣтъ. У себя дома, къ дѣлу я тебя не допущу, а попрошу приладить на большую маслѣбойку, въ усадьбу, коли пить не станешь да въ дѣло вникнешь, тогда другой разговоръ у меня съ тобой будетъ.

Въ ноги поклонился женѣ Иванъ и на другой день работаль въ усадьбѣ.

Работникомъ онъ оказался старательнымъ, пить

дѣйствительно пересталь, но все-таки больше года прослужилъ онъ въ чужомъ мѣстѣ, и только тогда жена взяла его къ себѣ въ домъ. Ю. Чаевъ.

Главный Редакторъ П. Зубозскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

НЕ ЧИТАЙТЕ

ЭТОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

безъ вниманія. Новостью въ области матерій на мужские костюмы есть «Ю-вистъ» Колумбъ. При такой дешевой цѣвѣ, какъ 5 р. 25 к., лучший сортъ 6 р. 25 к. за цѣлый отрывъ въ 4 1/2 арш. для полнаго мужск. костюма, матерія въ чемъ не отличается отъ такой же въ 5—6 р. за арш. и ладаетъ всеми качествами оной, а именно: высшая прочность, практичность и элегантность. Цвѣта: черн., т-синій, корич., оливковый, глядя на же тѣ же цвѣта съ крапичками. Высок. над. плат. по почтѣ безъ валакта. При выпискѣ 5-хъ или болѣе отрывовъ прилагае-го въ каждому отрыву нужное количество подкладки бесплатно. Безъ риска, полное ручательство, если не поправится, принимаетъ обратно. Требования прошу адресовать въ фабрику шерстяныхъ изделий:

ЗИГМУНТА РОЗЕНТАЛЯ
г. Лодзь № 106-Д.

№ 82—М.

109—1—1

№ 757—М

109—12—3

ПОСЛДНА
ВЪ
ІЕРУСАЛИМЪ.
Авонъ, Баръ-Градъ и Римъ.
ХІ-ое(одиннадцатое)изд. 1908 г. текста 48 стр. 118 видовъ Св. мѣстъ картинъ изъ жизни І. Христа 42 стр. Ц. съ перес. 25 коп. почт. мар. 8-одинъ рубль 5 копеекъ. СШБургъ. Бронницкая, 5. Чл. Им. Пр. Пал. Об. П. П. Свѣдскому.

№ 2

112—2—1

Сѣмена Яровыхъ

овесъ, ячмень, пшеница, рожь яровая, клеверъ, тимофеевка, корнеплоды, клубнеплоды изъ лучшихъ степныхъ хозяйствъ, испытанной всхожести и гарантіей хоз. годности предлагаетъ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

При Сѣв. С.-Х. Обществѣ. С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 4. Прейсъ-куранты высылаются по первому требованію.

№ 68—К.

88—4—4

Advertisement for musical instruments including: Скрипки (Violins), Корнеты (Cornets), Флейты (Flutes), Гармоніи (Harmoniums), Фортуна (Fortuna), Гитары (Guitars), Мандолины (Mandolins), Балалайки (Balalaikas), Граммофоны (Gramophones), and Пластинки (Records). Includes an illustration of a man playing a violin and the name Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

№ 88—К.

110—2—1